

М. В. Фок

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

Воспоминания о воспоминаниях

Это не биография — ее пишут по документам — а лишь отдельные воспоминания, которые, если их не записать, исчезнут вместе со мной, но могут быть интересны в будущем биографам.

Отец очень мало рассказывал о своем детстве, и здесь мои сведения особенно отрывочны. Он был единственным мальчиком в семье, причем все его четыре сестры были старше. Жили они в Петербурге, вначале на Старо-Невском (так назывался конец Невского проспекта возле Александро-Невской лавры), недалеко от железной дороги. Вероятно, с тех пор отец сохранил на всю жизнь любовь к «паровозикам», как он их называл. Потом семья переехала на Васильевский остров. Летом ездили в Кочеток, на Украину, где-то вблизи Полтавы.

Отец его (мой дед), Александр Александрович Фок, был ученым-лесоводом и работал вице-инспектором корпуса лесничих, ведал лесами Кавказа. Его перу принадлежит книга «Очерк лесов Кавказа» и ряд статей по лесоводству. Однажды, когда отец и я шли по Невскому недалеко от Казанского собора, он сказал: «Вот в этом магазине мой папа покупал все кавказские сувениры. Здесь они были гораздо лучше, чем на Кавказе, да и везти не надо». Александр Александрович после Октябрьской революции работал в Наркомземе до самой смерти (кажется, в 1921 г.), причем, когда он тяжело заболел, ему, несмотря на трудное время, дали путевку в санаторий под Москвой, что говорит о том, насколько его ценили.

Дома отца звали не Володей, а Одиком. (Когда его внука называли Владимиром, он, а за ним и мы тоже стали называть его Одиком.) Как-то среди старых бумаг нашлась записка: «Одик — 1 шоколадка, 1 мармеладка». Отец объяснил, что у них в семье было так заведено: если у кого-то из детей болел живот, а всем выдавалось сладкое, то больному, чтобы не было обидно, выдавали записку, по которой он получал сладкое после выздоровления. О няне своей он вспоминал с теплотой, но я запомнил только одно. Когда он спросил ее: «Как пишется буква я — животиком к печке или к окну», она ответила: «Не знаю, милый, я ведь неграмотная».

В школе (Реальное училище при реформатских церквях) отец учился хорошо, но из своей школьной жизни рассказал только один эпизод. Его дразнили: «Вова Фок блины пек. Пек, пек, недопек, испугался и убег», на что он, впрочем, не обижался. Со школьными товарищами отец, насколько я помню, отношений не поддерживал.

В. А. Фок (1898-1974)

Две его сестры — Надежда и Наталья — погибли в первую мировую войну, задолго до моего рождения. Когда в 60-х гг. я собирался в командировку в Черновцы, отец сказал: «Черновцы — это страшный для меня город. Там погибла моя сестра Наташа». (Она работала в госпитале медсестрой.) Вторая сестра была земским врачом, ушла на фронт и там умерла от тифа. Две другие сестры отца — Тамара и Юлия — погибли во время блокады Ленинграда.

Как-то увидев, что я читал «Жизнь Клима Самгина», отец сказал: «Оболгал Горький русскую интеллигенцию. У него выходит, что ее не интересовали ни война, ни революция. А на самом деле было вовсе не так». По всей вероятности, отец не вращался в тех кругах, о которых писал Горький.

Отец в конце 1916 г. (или начале 1917), т. е. восемнадцати лет ушел из университета в армию (кажется, в этом какую-то роль сыграла начавшаяся потеря слуха). Он попал на Румынский фронт. Об этом периоде его жизни я мало что знаю, только однажды он сказал, что в то время много ездил верхом. Уже после смерти отца его ближайший ученик М. Г. Веселов рассказывал, что отец был избран в Совет солдатских депутатов, несмотря на то, что был прапорщиком, а его дядя на том же фронте командовал дивизией. Демобилизовался отец в 1917 или 1918 г., по-видимому, в результате потери слуха из-за отосклероза. Я видел справку того времени: «Фок В. А. одержим отосклерозом». Теперь так не пишут.

Отец вернулся в университет, но продолжал учебу уже в совершенно других условиях — студентов было очень мало, и поэтому общение с профессорами значительно облегчалось. Друзья студенческих лет остались друзьями на всю жизнь. Между собой они были, конечно, на «ты», но называли друг друга почему-то по имени-отчеству. Отец рассказывал, что его первая книга «Механика сплошных сред» написана на основе курса лекций, прочитанных им в качестве экзамена по теоретической механике вместо Ю. А. Круткова. «Он был большой сибарит», — добавил отец. (С Ю. А. Крутковым отец был дружен до самой его смерти и считал одним из своих учителей.)

Учась в университете, отец одновременно стал работать в только что организованном Д. С. Рождественским Государственном оптическом институте. Друзья отца как-то при мне напомнили ему, что он даже пытался там экспериментировать, но неудачно, на что отец отмолчался, не поддерживая разговора. Вообще, взаимное поддразнивание повелось у них с давних пор.

К Д. С. Рождественскому, пригласившему его в Оптический институт, отец относился с большим уважением и говорил, что тот спас его от голода. В бумагах отца был обнаружен клочок с записью расходов, в том числе и с такой: «2 пирожка — 200 руб.». (Мама рассказывала, что, получив зарплату, ее тотчас несли в сберкассу, так как на завтра на нее уже мало что можно было купить, а сберкассы выдавали деньги по курсу рубля на данный день. Работала она, как и многие в то время, в нескольких местах и главным образом из-за пайка. Например, в университете выдавали иногда по несколько ложек варенья, и профессора становились в очередь с маленькими баночками в руках. В Геологическом комитете можно было получить обед, состоявший из тарелки пшеничного супа — одной-двух ложек пшена на воде. Она вспоминала также, как однажды шла по улице и у нее отвалилась подметка. Она нашла веревочку и стала ее подвязывать. Навстречу шел милиционер. — «Что, товарищ, чинишь?» — «Чинию». А сам милиционер был в лаптях.) В

старых бумагах нашлась и такая официальная записка: «Ввиду расходов по ремонту дома в следующем месяце квартплата будет увеличена до 5 млн. рублей».

После войны, привезя из какой-то заграничной поездки «Доктора Живаго», отец заметил: «Все Пастернак перепутал. Пишет о бесчинствах большевиков, а я в то время судился с матросом, которого вселили в нашу квартиру, а он нас обокрал. И суд решил в мою пользу. Да и с железными дорогами напутал — я ездил в Москву без приключений. Разруха наступила позже».

В 1927 г. (или 1926) отец получил командировку в Геттинген, тогдашний центр теоретической физики. О тамошней жизни я знаю только со слов матери. Жили они, по-видимому, довольно скудно в пансионе какой-то немки, которая кормила их супом то с вермишелью, то с «азбукой», причем в супе с вермишелью попадалась «азбука» и наоборот. Однажды ночью отец громко произнес во сне: «Эти кванты совсем без навару». Когда утром мать спросила, что ему снилось, он ответил, что снился этот суп... Как-то отец пришел домой очень расстроенный, мать решила, что он потерял все деньги. Оказалось, что отец зашел в парикмахерскую, а парикмахер, пользуясь тем, что клиент плохо слышит, сделал ему какую-то сверхдорогую прическу, чем нанес заметный ущерб бюджету.

В том же пансионе жили и другие физики. По словам матери, жили они дружно как между собой, так и с немецкими физиками, даже совершали совместные воскресные прогулки.

Однажды мама переоделась мужчиной, засунув в брюки отца большую подушку. Мужские ботинки маленького размера нашла с трудом дочка хозяйки. Она же представила маму как нового постояльца. Ее не узнали (все, кроме отца, конечно) и только подумали, что новичок слишком развязно держится с дамами.

На научных семинарах отец быстро завоевал авторитет. Мать рассказывала, что докладчики обычно косились в его сторону — если он беспокоится, значит, что-то неладно в рассуждениях.

Вернулись родители в 1928 г., незадолго до моего рождения.

Воспоминания детства

Я далеко не все могу расположить в хронологическом порядке, потому что почти не было событий, которые могли бы послужить «опорными». Получается некая усредненная картина.

Итак, мы живем в большой квартире (200 м²), с большими окнами и высокими потолками, на втором этаже двухэтажного дома, принадлежавшего еще моему прадеду со стороны матери — В. В. Лермантову. Моя семья — это папа, мама (Александра Владимировна Лермантова, физик-спектроскопист по образованию), сестра Наташа, я, старая няня Муля (Мария Васильевна Савельева, нянчившая еще мою мать, добрейшей души человек), дядя Воля (Владимир Владимирович Лермантов, радиоинженер), тетя Китя (Екатерина Владимировна Лермантова, геолог) и бабушка, мамина мама, Екатерина Антоновна, урож-

В. А. Фок с женой. Геттинген, 1927 г.

денная Вендланд. Какое-то время с нами жила моя двоюродная сестра со стороны матери. Кроме того, в нашей квартире живет папина сестра тетя Юлия (Юлия Александровна Молчанова). Она где-то преподает французский. С ней живет дочь Таня (Татьяна Вячеславовна), которая учится в Геологическом институте. Тетя Юлия ведет отдельное хозяйство, и в их комнате я почти никогда не бываю. Вторая папина сестра, тетя Тамара, художница, живет где-то в другом месте со своими двумя сыновьями, Аликот (Александром Георгиевичем Моллот)

и Додиком (Владимиром Георгиевичем Моллот). Она изредка приходит в гости, но скорее к тете Юле, чем к нам. И Алик и Додик много старше меня.

Папин кабинет, как, впрочем, и вся квартира, тесно забит мебелью. Большой письменный стол со львиными головами, крытый зеленым сукном, настолько завален бумагами, что сукна почти не видно. Папа сидит за ним в большом кожаном кресле, тоже со львиными головами, а за спиной у него — полки с книгами. Высоко на стенах висят два портрета: писанный маслом портрет папиного отца и похожий на сильно увеличенную фотографию портрет папиной мамы. Мне почему-то не хочется признавать их за своих бабушку и дедушку, вероятно, потому, что они изображены слишком молодыми. Чужая тетя на портрете моложе моей мамы и совсем не похожа на настоящую бабушку, которая читает мне интересные книжки. Когда папа сидит за столом и пишет непонятные значки (как я называл их, «заглиндушки»), нам входить не разрешается, а трогать что-нибудь на его столе нам и в голову не приходит, даже когда его нет дома. Мама на работу не ходит, но часто тоже занимается за своим столом с папиными статьями или пишет переводы.

Я почти не помню, чтобы к папе приходили деловые посетители. Помню только Ю. А. Круткова (дядю Юру). Он сидит в кресле возле дивана и не дает мне пройти дальше, требуя пропуск. Что такое «пропуск», я не знаю. Помню еще И. Е. Тамма, но не в кабинете, а в столовой, за обеденным столом, рядом с папой. По-видимому, он бывал у нас не раз. Возможно, было и больше посетителей, «чисто» деловых. Так как папин кабинет был как раз напротив входной двери и далеко от детской комнаты, то я их просто не видел. Мама рассказывала, например, что в конце 20-х гг. часто приходил Д. Д. Иваненко. Он обсуждал с отцом вопросы, связанные с параллельным переносом вектора в общей теории относительности. Увидев, как мама носит спеленутого ребенка (меня), он сказал, что это тоже параллельный перенос. Но в более поздние годы Иваненко, если и приходил, то очень редко, так как я его не запомнил.

Днем я редко заходил в кабинет. Иное дело — вечером. Тогда в кабинете очень уютно: мама с папой сидят на диване, укрыв ноги старым пледом (зимой в квартире всегда было холодновато). Возле них, тоже под пледом, сидит Наташа, а я устраиваюсь поудобнее в большом кожаном кресле и рисую орнамент. Мама читает нам вслух интересные книги, обычно — прямо с французского (но, конечно, по-русски). Это были сказки Ш. Перро, некоторые романы Ж. Верна и другие, не переведенные в то время на русский язык интересные книги. Папа при этом читает свою книгу (он ведь не слышит, что читает мама). Иногда нам читал папа. Он, например, прочел «Мертвые души» по купленному им роскошному изданию громадного формата с картинками на широких полях. Читал он так, что можно было ясно представить себе всех действующих лиц.

Иногда папа рассказывал маме, какую задачу он решил (вероятно, это происходило довольно часто, но не в моем присутствии). Однажды он сказал, что победил «значкочешуйного змия» и даже придумал по этому поводу четверостишие:

Сего значкочешуйна змия
Сгубила антисимметрия.
Матрицедышащий урод
Не будет уж пугать народ.

Что такое симметрия, я приблизительно знал, так как рисовал орнаменты, знал и что слово с приставкой «анти» несет противоположный смысл. Мама объяснила, что означает слово «матрица» в математике, и я нарисовал картинку, как антисимметрия (весьма кривобокий чело-

В. А. Фок с детьми. 1936—1937 гг.

век с ружьем) убивает сказочного змея, покрытого чешуей, испещренной значками, у которого изо рта вылетают матрицы (второго порядка). Папе очень понравился мой рисунок.

Как-то раз папе не спалось ночью, он все обдумывал какую-то задачу (по всей вероятности, связанную с работой «О движении конечных масс в общей теории относительности»). Он встал очень рано и почему-то стал стирать свой носовой платок, продолжая думать о том же. Услышав сквозь тонкую перегородку звук льющейся воды и обнаружив, что папина кровать пуста, мама пошла к нему, и он рассказал ей, в чем дело. По этому случаю она сочинила такую дразнилку:

Профессор Фок
 Стирал платок
 Сегодня на рассвете.
 Эйнштейна уравнение,
 Задачи тяготения
 Решал за стиркой он.

Вообще, мама часто поддразнивала папу, на что он не обижался, а только пыхтел. «Отдразниваться» он стал только когда я уже стал взрослым, что и было тотчас отмечено мамой.

Рождество, масленица и пасха у нас всегда отмечались. Рождество — елкой, а масленица и пасха — соответствующей едой, которую готовила моя няня. Помню, как на рождество (или пасху?) к нам пришли поп с дьяконом в облачении и кропили «святой» водой в детской. Меня удивило, что вода была в том самом кувшине (серебряном), в котором мы носили из кухни теплую воду для мытья ног, а также то, что окропили и вокзал, построенный мною из кубиков. (Как реагировал на все это отец, я не знаю, не помню ни одного высказывания его на эту тему. Остальные, судя по тому, что говорила мама, относились безразлично, а устраивала все, несомненно, няня Муня.) Однажды на пасху папа купил целый сырой окорок, который затем варили в лохани для мытья посуды, ибо ни в какую кастрюлю он не помещался. Хотя мама и не сказала ничего по этому поводу, но я понял, что она рассматривает эту покупку как излишнюю трату денег. (Она вела хозяйство и, когда я был уже взрослый, рассказывала, что в то время ей вечно не хватало трех рублей до конца месяца.)

На прогулку папа ходил с нами очень редко. Один или два раза весной ездили с ним в Павловск. Как-то мы гуляли с папой на островах (ЦПКиО им. Кирова) и он повел нас обедать в ресторан, но там для нас ничего, кроме чая, не оказалось, даже кофе или какао. Когда разрешили новогодние елки, то на Дворцовой площади и в Александровском саду был устроен новогодний базар. На нем папа купил нам надувную резиновую черепаху за 7 рублей, что считалось очень дорого для такой игрушки. Все это делалось без нашей просьбы. Точно так же он купил в учколлекторе набор ампул с флюоресцирующими красителями и подарил их мне. Не помню, сколько лет мне было, но инструкцию я прочел без труда и, хотя в ней было сказано, что время послесвечения порядка 10^{-6} — 10^{-7} секунды, я пытался его наблюдать, закрывшись в темном конце коридора, приоткрывая и как можно быстрее закрывая дверь в комнату. Я быстро догадался, что надо адаптироваться к темноте, и был очень обескуражен тем, что послесвечения так и не удалось наблюдать.

Ели мы всегда в большой холодной угловой комнате (60 м²) с высокими окнами (по три с каждой стороны), за громадным столом, накрытым белой скатертью. Каждому полагалась салфетка в колечке, раскладывать которые входило в мою обязанность. За столом, если его не раздвигать, могло свободно уместиться человек 10—12. Мама сидела во главе стола, возле самовара, и раздавала обед.

Одно время Таня завела чайную чашку очень странной формы — раза в два ниже обычных чашек, но чуть шире. К тому же ее края были несколько загнуты внутрь. Она очень напоминала сосуд, стоявший у папы под кроватью, и, вероятно, потому ужасно ему не нравилась. Он все жалел, что она никак не разобьется, а потом принес картонную коробочку из-под лекарства, сделал в ней прорезь и объявил, что это копилка Тане на чашку. Не помню, в каких случаях полагалось класть туда мелочь, но однажды папа сказал, что там уже достаточно и отдал деньги Тане. Когда она принесла новую чашку, он схватил старую, унес ее на кухню, где и разбил.

Летом мы жили на даче. Папа приезжал довольно часто, а часть лета жил с нами. С 1929 по 1934 г. мы снимали одну и ту же дачу, в Малой Ижоре, на южном берегу Финского залива. Папа брал с собой фотоаппарат с треногой и несколько пачек пластинок, которые закладывал в кассеты, сидя в плетеном кресле в темных сенях, накрывшись несколькими одеялами. Мы почти каждый день ходили к морю километра за два, на хороший пляж, ибо вблизи деревни песок был вывезен. На обратном пути папа нес меня на плечах. Наша деревня считалась уже в погранзоне, поэтому для проезда туда нужны были пропуска, которые проверяли не только в поезде, но иногда и на пляже. Тем не менее один раз папа привез какого-то иностранца, кажется, П. Дирака и ходил с ним на пляж. Все обошлось благополучно, пропуска не спросили.

С 1935 по 1940 г. мы жили в деревне Рыбицы на берегу Оредежи, в 5 км от станции Северская. На станции можно было взять извозчика, но все, кроме папы, ходили оттуда пешком. В Оредежи было быстрое течение, но папа, кажется, единственный во всей деревне, легко плывал против течения. Мальчишки даже показывали на него: «Это тот дядя, который против течения плавает». Папа часто ездил на велосипеде, изредка сажал меня на раму и брал с собой. Однажды он взял меня к А. Н. Крылову (академику, известному кораблестроителю), жившему недалеко. Алексей Николаевич был в белой рубашке, сам весь белый, только лицо красное от жары. Пили чай с вареньем, на запах которого слеталось много ос. Алексей Николаевич топил их в варенье, когда они садились к нему на блюдце. Он предложил папе налить в чай коньяку. Папа подставил чайную ложку, чтобы отмерить порцию, но Алексей Николаевич сказал: «Надо не так», перевернул ложку доньшком вверх и полил коньяком. В другой раз папа ходил к нему без меня, кажется, на день рождения. Был сильный дождь, но папа не стал ждать, пока он кончится, а разулся, засучил брюки до колен, взял зонтик в одну руку, ботинки в другую и в таком виде отправился по лужам. (Надо было идти километров шесть—семь).

Как-то мы провожали папу на станцию и он увидел на заборе предвыборный плакат с портретом С. И. Вавилова. Оказалось, что он баллотируется в депутаты Верховного Совета РСФСР, но почему-то не в городе, а здесь. Папа сказал: «Непременно откреплюсь в городе, чтобы голосовать за него».

Мама ходила на даче в очень старых туфлях. Однажды папа привез из города новые. Пока она их примеряла, он схватил старые и выбежал куда-то так быстро, что она не успела опомниться. Вернулся он без туфель и лишь на следующее лето показал мостик через канаву, метрах в двухстах от дома, под который он их засунул.

С 1935 г. наступили тревожные времена. Взрослые обсуждали убийство Кирова и говорили, что следы ведут куда-то очень высоко. Нашу дальнюю родственницу выслали в Караганду в 72 часа. Выслали и старого доктора Ниссена, который лечил меня и Наташу, и Наташиного учителя музыки. Я уже знал, что такое «черный ворон» и что есть какие-то «вредители» и «враги народа». Начался обмен паспортов, но, как я слышал, новые паспорта давали не всем, а те, кому их не давали, бросались под трамвай. Дядя Воля сказал, что видел «черного ворона» возле нашего дома и слышал, как захлопнулась тяжелая дверца. Дядя Юра (Ю. А. Крутков) давно не приходил и, как я догадался, больше и не придет. У папы в кабинете появилась книга, напечатанная мелким шрифтом, с длинным непонятным названием, в котором выделялось слово «процесс». В отличие от всех новых книг она лежала не на столе, а в углу на стуле. Взрослые иногда говорили друг другу: «Мне сказали, что такой-то...» — и многозначительно молчали. Мама встревоженно сказала: «Папу в журнале фашистом называют».

Однажды, когда мы уже спали, пришли какие-то люди, рылись в шифоньере с бельем. Утром я понял, что «тяжелая дверца» захлопнулась и за папой. Мама рассказала, что держали эти люди вежливо и в конце начальник даже спросил, есть ли какие-нибудь претензии. Мама ответила: «Есть. Пустой портфель не даете взять». Портфель взять разрешили. А еще мама рассказала, что в начале обыска она сумела стащить со стола записную книжку с адресами и телефонами, чтобы никого не подвести. Были опечатаны папин кабинет и спальня. В спальне осталась кошка. Она громко мяукала и ее вызволяли через другую дверь, которая была заставлена мебелью и потому осталась неопечатанной. Нависла тупая тревога. Днем мама куда-то уходила и возвращалась молчаливая. О папе никто не говорил.

И вот, как мне кажется, месяца через два из Москвы пришла телеграмма, что он возвращается. Мама сказала, что еще накануне она ходила на Литейный узнавать про папу и ей ничего хорошего не ответили. А перед этим она разложила пасьянс и загадала: если он сойдется, то все будет в порядке. Когда она шла домой, то поймала себя на мысли: «Не может быть, ведь пасьянс-то вышел». Папа сказал, что специально послал фототелеграмму, чтобы мама узнала его почерк и поняла, что ничего не перепутано. Зайдя в университет, папа обнаружил, что в коридоре, где висят портреты профессоров, его портрета нет. Он спросил какое-то начальство, куда делся портрет, ему ответили: «Он в ремонте, рама попортилась». (Позже я узнал, что этот коридор с портретами называли «арестомтр». По всей вероятности, отец зашел туда не случайно.)

После возвращения папы все пошло так, как будто ничего и не случилось. Вскоре папу выбрали в академики. Незадолго до этого папе приснилось, что выбрали и его, и нашего черного с белым котом, у которого фамилия Фог. И папа во сне размышлял: «Вот как неудобно — и фамилии похожи и адрес одинаковый, путать будут». Поэтому, когда пришло известие о выборах, папа пошел на кухню и пожал коту лапу. С тех пор кот звали «академик» и я уже не помню, как его звали раньше.

То же время глазами взрослого

Хотя в детстве мне и казалось, что после возвращения отца наша жизнь стала прежней, но он, по-видимому, долго не мог оправиться от потрясения. Во всяком случае, на период вскоре после этих событий приходится резкий спад числа опубликованных им статей.

Все кончилось хорошо благодаря помощи П. Л. Капицы, который написал Сталину. В отцовских бумагах нашлась копия этого письма (она должна быть в Санкт-Петербурге в архиве Академии наук). Меня удивила аргументация. Сначала говорится о невиновности отца и в доказательство приводится, что он плохо слышит и целиком ушел в науку, так что даже в обыденной жизни с ним трудно общаться, а уж тайную группу он никак создать не может. А далее отец сравнивается с тонким механизмом, с которым и обращаться надо соответственно, чтобы он работал и приносил пользу. Такое впечатление, что автор адресуется к малообразованному и не очень умному человеку. Но письмо-то сработало.

Отец рассказывал, что ему не давали спать: три следователя допрашивали днем и ночью. На обвинения он отвечал: «У меня нет воображения», чем их крайне сердил. Через какое-то время его вдруг привели к Ежову, и тот сказал, что отец признан невиновным и будет освобожден. Отец: «А как же мне сказали, что моя вина доказана». Ежов: «Поторопились товарищи». Отец: «Не помешает ли все это моему выдвигению на предстоящих выборах в академики?» Ежов: «Не помешает». (Все это я прочел в бумагах отца, но привожу по памяти. Подлинники должны быть в архиве.)

А предшествовала этим событиям жестокая борьба в печати, да, вероятно, и не только в печати. Отец напечатал несколько статей в журнале «Природа» в защиту квантовой механики, а также статью «За подлинно научную советскую книгу» (Сорена. 1934. № 3. С. 132—136). В ответ в журнале «Под знаменем марксизма» появилась статья, в которой утверждалось, что Фок, по примеру фашистов, предлагает устраивать костры из книг.

Позднее отец говорил, что он очень давно понял необходимость изучения диалектического материализма и вообще философии, чтобы говорить с философами на их языке. Ему постоянно приходилось бороться на два фронта, ибо физики, не зная философии, нередко допускали утверждения, нелепые с точки зрения философии, а философы, даже добросовестные, в ответ отрицали все подряд — и квантовую механику, и теорию относительности... Потом он даже шутил, что ему приходится заниматься «чепухологией», но тогда было не до шуток.

Работал отец часов по десять в день и выпускал около полутора десятков работ в год, почти всегда без соавторов. Темы работ были весьма разнообразны: от квантовой механики и теории относительности до создания методов инженерных расчетов (например, расчет кабеля для Волховстроя, создание теории каротажа для электроразведки полезных ископаемых, расчет давления газов в канале ствола орудия). Последнюю тему предложил А. Н. Крылов. Он сказал, что в литературе по этому вопросу ничего интересного нет (трудность состояла в том, что скорость снаряда сравнима со скоростью звука). Когда отец показал решение этой задачи Алексею Николаевичу, тот снял с полки толстый том и сказал: «Здесь собраны основные работы по этому вопросу. Я не хотел их показывать, чтобы вы не пошли по ложному пути. И действительно, ваше решение, несмотря на его краткость, гораздо точнее всего, что здесь написано». Об отце в то время ходили анекдоты, не знаю насколько справедливые. Например, кто-то (кажется, Я. И. Френкель) дарит ему свою новую книгу, отец благодарит, перелистывает ее и вдруг говорит: «А этот интеграл расходится». Оказывается, действительно расходится, а автор этого и не заметил.

(Окончание следует)